

Лэ Кэ всем телом прижался к Саньтоу, придавив трехголового зверя к земле. Тот лежал на боку, совершенно обессиленный, но всё еще отчаянно дрыгал всеми четырьмя лапами, продолжая безуспешно сопротивляться. Лоли вытащила из ножен клинок, однако подойти ближе не решалась: ее пугал не столько сам свирепый зверь, сколько Лэ Кэ, оказавшийся еще страшнее и дичее любого хищника.

Поняв, что не может пошевелиться, трехголовый монстр постепенно умерил свой пыл. Из его пасти вырвалось несколько жалобных скулящих звуков, а в глазах застыло умоляющее выражение. Заметив, что зверь обладает неким подобием разума, Лэ Кэ рявкнул:

— Если покоряешься — кивни. Сохраню тебе жизнь.

Неизвестно, понял ли трехголовый его слова, но все три его головы забавно завертелись из стороны в сторону. Лэ Кэ рассмеялся:

— Выходит, кивать ты не умеешь, только мотаешь головой. Ладно уж! Станешь моим верным питомцем — отпущу. Понял? Тогда покачай головой.

Все три головы зверя одновременно яростно затряслись в разные стороны. Решив, что это знак согласия, Лэ Кэ медленно разжал руки. Трехголовый поднялся на ноги, закрутил головой и принялся водить носом по телу парня, словно пытается запомнить запах хозяина.

Лэ Кэ протянул руку и похлопал монстра по его главной львиной голове:

— У тебя три башки, так что отныне твое имя — Саньтоу.

Он еще несколько раз отчетливо повторил: «Саньтоу, Саньтоу». Зверь завилял хвостом, высунул длинный язык и принялся послушно лизать ладонь Лэ Кэ, ведя себя точь-в-точь как прирученная домашняя собака.

Лоли отвернулась. Ее щеки порозовели, став ярче любых цветов, и она с застенчивым смущением произвела на свет вопрос:

— Ты... ты уже закончил?

Непонятно было, имело ли это отношение к умирению свирепого зверя или же касалось чего-то совсем другого.

Только теперь Лэ Кэ окинул себя взглядом и обнаружил, что по-прежнему абсолютно гол. Впрочем, сейчас это волновало его меньше всего. Опустившись прямо на землю, он присел отдохнуть. Саньтоу послушно улегся рядом, время от времени лениво помахивая хвостом.

Лэ Кэ заговорил:

— Госпожа Лоли, я придумал, как нам проникнуть на Ферму Кардифф. Притворимся рабами, а там поищем момент, чтобы выкрасть твое оружие. Только нам потребуется сыграть в четыре руки, так что помоги мне скрутить тех двоих работников Фермы Кардифф. Разыграем небольшой спектакль.

Лэ Кэ в деталях изложил ей свой замысел. Услышав, что он собирается ради нее пробраться на Ферму Кардифф и добровольно стать рабом, Лоли глубоко тронуло это решение. У нее невольно прибавилось симпатии к этому юноше, который то и дело щеголял нагишом и пугал людей, но повернуться к нему лицом она по-прежнему не решалась.

— Боевые искусства Дохи невероятно опасны, тебе... тебе не стоит туда ходить. Мы... мы придумаем что-нибудь другое, — произнесла она.

«Эта девчонка чиста и наивна, как чистый лист бумаги, — подумал про себя Лэ Кэ. — Верит каждому слову».

Вслух же он гордо заявил:

— Кто заставил меня потерять твое оружие? Если я не верну его тебе, ты даже смотреть на меня по-человечески не станешь...

«Да при таком твоём виде как я вообще могу смотреть на тебя нормально?» — мысленно возразила Лоли.

А Лэ Кэ уже продолжал:

— Пойдем найдем этих двоих, пока они не удрали.

Он поднялся на ноги. Лоли топнула ножкой:

— Ты... ты ведь без одежды, не подходи ко мне!

Стоило Лэ Кэ встать, как Саньтоу тут же вскочил следом. Лэ Кэ хлопнул зверя по большой голове:

— Во всем виноват ты, утащил мою одежду из листьев да напугал госпожу Лоли. Живо попроси у нее прощения!

Саньтоу действительно дважды звонко рявкнул: «Гав-гав!» Лоли и Лэ Кэ не удержались от

улыбки.

Лэ Кэ предложил:

— Госпожа Лоли, иди впереди, а я буду держаться позади, так ты меня и не увидишь.

Лоли послушно двинулась вперед по тропе, поднимающейся по пологому склону. Пекинскую капусту, которую она несла с собой, в суматохе пришлось бросить, и теперь об этом даже не вспоминалось; на придорожной траве капусты уже не было и в помине — ее давным-давно кто-то подобрал.

Ясли, заметив, что Лэ Кэ преследует и атакует зверь, бросилась следом, спеша на помощь. Издали увидев, что он уже справился с монстром, она решила не показываться. К тому моменту уже совсем рассвело: небо озарилось мягким, чистым и туманным сиянием, а на ветках деревьев без умолку щебетали птицы. Ясли, которой больше незачем было прятаться, подобрала брошенную капусту и легко, словно по воздуху, вернулась в горы.

Ни о чем не подозревавший Лэ Кэ к тому моменту уже успешно завершил свой самый первый урок. Они с Лоли, двигаясь друг за другом, вернулись в рощу, как вдруг впереди послышались чьи-то крики о помощи.

Лэ Кэ прислушался — голоса принадлежали Аману и Шимо. Шагнув на звук, они увидели впереди глубокую яму, выкопанную прямо в земле.

— Это ловушка, которую установили на нашей ферме, — пояснила Лоли.

Как выяснилось, Аман и Шимо бежали куда глаза глядят и один за другим угодили в звероловную яму. Ловушка оказалась глубокой — в три человеческих роста, а ее стены — гладкими, как стекло, так что стоило оступиться и упасть вниз, как выбраться наружу становилось уже невозможно.

Аман и Шимо как раз метались в отчаянии, когда вдруг увидели на краю ямы хорошенькое личико. К их ужасу, это оказалась та самая госпожа Лоли, встречи с которой они боялись больше всего на свете.

Раздался ее суровый голос:

— Опять вы, две не знающие страха и смрадные собачьи шкуры! В прошлый раз я вас еще не проучила как следует, а вы снова приперлись на мои земли!

Ноги у Амана и Шимо подкосились от страха, и они принялись наперебой молить о пощаде. Лоли вынула метательный нож и поиграла им перед их испуганными лицами:

— Отличный случай испытать мои новые метательные клинки. Если переживете дюжину ножей и останетесь в живых, так и быть, отпущу вас восвояси.

Сердца Амана и Шимо оборвались от ужаса: они прекрасно понимали, что после дюжины ножевых ранений спасения уже не будет. У Амана зашипало в носу, и он едва не зарыдал по своей жене, вспомнив недавние слова о желании жить с ней душа в душу под одной крышей, как вдруг сверху раздался чей-то зычный крик:

— Стойте! Не смейте убивать! Хотите прикончить моих братьев — тогда сначала придется сразиться со мной!

Следом за этим донеслись звуки ожесточенной драки: «Бум! Бам!»

Конечно же, это был тот самый спектакль, который Лэ Кэ и Лоли только что наспех обговорили. Лоли, глядя на Лэ Кэ, который сидел на корточках и отбивал ладонями ритм по земле, издавая громкие звуки, едва сдерживала смех. Стараясь не смотреть на его совершенно голый торс, она демонстративно отвернулась.

Аман и Шимо, застрявшие на дне ловушки, вслушивались в доносившиеся сверху звуки яростной схватки. В их душах смешались тревога и надежда, а время казалось бесконечно долгим. Наконец они услышали голос Лоли:

— Мелкий паршивец, вечно ты за свое! Мне с тобой не справиться, пойду позову людей! Если духу хватит — не уходи!

После этого посмертно затихшие шаги Лоли быстро удалились. Спустя мгновение из-за края ямы показалась запыхавшаяся голова Лэ Кэ:

— Эй, братцы, вы как, целы?

О радости Амана и Шимо нечего было и говорить — они наперебой принялись расточать хвалу своему спасителю. Сверху свесили прочную древесную лиану, и оба пленника один за другим карабкались наружу.

Лэ Кэ поторопил их:

— Скорее уходим! Преследователи Лоли вот-вот настигнут нас!

Троица поспешно двинулась в путь, причем Саньтоу неотступно следовал по пятам за Лэ Кэ. Аман и Шимо, увидев, что тот сумел усмирить дикого зверя, прониклись к нему еще большим благоговением и были готовы пасть ниц. Аман тут же снял со спины верхнюю накидку и набросил ее на плечи Лэ Кэ. Спустя столько дней парень наконец-то обрел одежду, и это вызвало у него почти забытое чувство уюта.

Добравшись до опушки леса, Лэ Кэ присел на корточки, погладил длинную гриву Саньтоу и тихо сказал:

— Если пойдешь со мной, тебя наверняка пустят на суп из трехголовой собаки. Лучше оставайся здесь, я буду навещать тебя, как только выдастся свободная минута.

Саньтоу издал тихое, жалобное «у-у-у», и в его глазах читалась невыносимая тоска по хозяину. Лэ Кэ слегка подтолкнул его:

— Ступай!

Только после этого зверь развернулся и бросился вглубь леса. Его лапы почти не касались земли, скорость была невероятной, а откуда-то издали еще долго доносился его прощальный лай.

Выбравшись из лесной чащи, путники увидели раскинувшуюся под холмами равнину. Две крупные фермы располагались к северу и к югу друг от друга, разделенные четкой и нерушимой границей. Переполненные чувством благодарности, Аман и Шимо, не дожидаясь расспросов, шли рядом и без умолку делились подробностями.

Оказывается, дикая пекинская капуста обладает природной духовной силой и растет с большим трудом, из-за чего на континенте она ценится на вес золота и стоит баснословных денег. Много лет назад на этом острове была обнаружена особая золотая почва, идеальная для выращивания пекинской капусты. При тщательном уходе она созревала всего за семь дней. Как только слухи об этом распространились, необитаемый прежде остров вмиг взлетел в цене. Две влиятельные семьи первыми захватили лакомые куски земли, огородили их и за долгие годы упорного труда возвели масштабные фермы, специализирующиеся на выращивании капусты. Урожай непрерывным потоком отправлялся на континент, а владельцы обеих ферм баснословно обогатились.

— Брат Лэ Кэ, ты ведь еще не знаешь, каково происхождение нашего господина! — с воодушевлением произнес Аман.

<http://bllate.org/book/22005/2287723>